

УДК 821.111(73)-1"195/199"

**«БЕЗУМНЫЙ» РЫЦАРЬ: ПСИХОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО
ЧЕЛОВЕКА В РОМАНАХ ВАЛЬТЕРА СКОТТА****Татьяна Григорьевна Лазарева**

доцент кафедры английского языка

Курганский государственный университет

640669 г. Курган, ул. Гоголя, 25. lazarevat@mail.ru

Статья посвящена первым попыткам проникнуть в психологию средневекового человека, предпринятым в романах Вальтера Скотта. Используя достижения психологической науки своего времени, романист показал поведение представителей различных социальных групп исходя из социально-экономических отношений внутри средневекового общества, из нравов и обычаев, из сословных идеалов. Особое внимание он уделил проблеме «безумия» рыцарей, разделив понятия «безрассудство» и «сумасшествие».

Ключевые слова: Средневековье; рыцарство; психология; «безумие»; историософия Просвещения.

Открытия Зигмунда Фрейда и Густава Юнга определили направление развития не только науки, но и всей культуры XX столетия, прошедшего под знаком психологии. В литературе широкое распространение получили эксперименты с *бессознательным* («поток сознания», «автоматическое письмо» и др.); в «новой исторической науке» (начиная с открытий «школы Анналов») появилась историософская категория *ментальности* [Феллер 2005: 57]. «Психологический» аспект романов Вальтера Скотта, вероятно, первым применившим открытия психологии XVIII в. к изучению древней истории и показавшим разное восприятие людей, относящихся к разным эпохам, и обусловленность этого восприятия разными культурами, остался за пределами серьезного внимания исследователей. О шотландском романисте, потрясшем сознание современников, в последние десятилетия говорят только как о «певце нравов» и отказывают в психологической прорисовке характеров романических героев. Особенно много нареканий вызывают его романы о Средневековье [Долинин 1988: 211].

Однако, как известно, всякие нравы с неизбежностью касаются и социально-экономических, и религиозных, и культурных отношений в обществе и определяют психологию людей. Конечно, проникновения в психологию человека и целых социальных групп на страницах романов, создававшихся на заре зарождения самой науки, в настоящее время не бросятся в глаза; в понимании психологии средне-

векового человека Скотт еще далек от «динамического, функционального анализа строения личности», он не растворяет ее без остатка «в непрерывно изменяющемся потоке психических состояний», что свойственно психологической прозе XX в. [Гинзбург 1971: 13], но ценность достижений шотландского романиста от этого не становится меньше.

И современники осознали и восхищались новизной и глубиной его проникновения в характер человека. Александр Бестужев-Марлинский, например, в восхищении от «средневековых» романов Скотта писал: «Гений Вальтера Скотта угадал домашний быт и вседневный ум рыцарских времен, точно так же как Гиббон постиг их быт политический, как Нибур выкопал Рим царей из-под тройной лавы консульства, императорства и папства» [цит. по: Альтшуллер 1996: 45]. Особый восторг у русского писателя вызвали «живые люди», с их мелкими страстишками, поверьями и обычаями, с любимыми поговорками. Особая заслуга Скотта в том, что он не просто «распахнул» перед читателем старину, а перенес в нее, заставил читателя «любить, драться, буяннить, пить, трусить вместе с своими героями и за своих героев» [там же]. Психология простых героев Скотта особенно интересовала и восхищала Пушкина [Якубович 1939: 175]. В середине XX в. также еще говорили об «исторически верных», «тонко психологически выверенных характерах» в романах писателя [Петровский 1965: 750].

Вальтер Скотт познакомился с психологическими идеями в шотландской философии через Дугальда Стюарта¹, ученика и последователя Томаса Рида. Поскольку физиология в XVIII в. не могла дать психологии никаких указаний для развития разрабатываемой некоторыми учеными науки о духе, Рид разработал метод (само)наблюдений, который позволял обнаружить основные законы психической жизни. Материалом для исследования служило не только индивидуальное сознание, но и факты психической жизни, наблюдаемые у других людей (взрослых и детей), а также те области, например, литература, в которых психическая жизнь проявляется. «Метод наблюдения дал Шотландской школе целый ряд блестящих результатов – она значительно расширила круг психологических познаний, дала более точное описание фактов, улучшила классификацию психических явлений, разъяснила природу восприятия, указала на значение ассоциации в жизни сознания, наконец, выдвинула значение внутреннего чувства» [Быховский 1978].

При всей близости к идеям Шефтсбери и Канта, Шотландская школа указала основные элементарные принципы духа, находимые наблюдением. И если Гатчисон (Хатчисон), один из основоположников шотландской школы философии, считал вкус «естественным, природным чувством красоты и добра, то Рид признавал «здравый смысл» (*common sense*) природным чувством истины; из «здорового смысла», по его мнению, путем наблюдения можно вывести все аксиомы или самоочевидные истины» [там же]. Дугальд Стюарт облек идеи Томаса Рида в «академическое красноречие» и изложил превосходным стилем в лекциях для студентов Эдинбургского университета. На основе курса «моральной философии», включавшего, помимо всего прочего, этику и «политическую философию» (теорию управления), он разработал курс политической экономии – предмет, совершенно незнакомый широкой публике [http://en.wikipedia.org/wiki/Dugald_Stewart].

Вальтер Скотт, будучи прилежным учеником, применил идеи своих учителей, среди которых оказались многие деятели Шотландского Просвещения, к истории прошлых веков. Психология человека, жившего много столетий назад, является одним из самых больших открытий его художественной прозы. Она позволила писателю представить далекое время «изнутри», через переживания людей самых разных сословий, и одновременно показать их «вне-историчность», их

родство с переживаниями его современников.

Описание психологической реакции персонажа в романах Скотта всегда вписывается в контекст его социальной роли, его веры и убеждений. Оставляя в стороне вариации романиста при изображении душевного состояния человека в нестандартных ситуациях, на которые обратил внимание еще В.Г.Белинский [Белинский 1959: 519-520], а затем проанализировал Д.П.Якубович, обозначив их как «тема измены» [Якубович 1939: 186], укажем, например, на описание вихря чувств в душе отца, когда он услышал в перечне славных рыцарей имя своего непокорного сына Айвенго («Айвенго»); или смятения чувств влюбленного Кеннета, случайно оказавшегося на богослужении придворных дам в тайной часовне Энгаддийского монастыря («Талисман»); или возмущения и горя служанки Розы, услышавшей, что ее отца обвиняют в предательстве («Обрученная»). Подобные описания не редки на страницах произведений Скотта.

О глубоком для своего времени проникновении в психологию людей свидетельствуют и замечания следующего характера: «Флегматичным натурам обычно свойственна стыдливость и чувствительность к мелким нарушениям приличий. Уилкин Флэммок, с невозмутимым спокойствием встретивший недавнее обвинение в измене, смутился, густо покраснел и поспешно накинул на себя кафтан, чтобы скрыть небрежность одежды, в какой застала его леди Эвелина» [Скотт 2004: 48]. Объяснять подобные реакции персонажей только «нравами» было бы слишком большим упрощением.

Задолго до историков XX в. Скотт обратил внимание на финансовую составляющую средневековой экономики и влияние социально-экономических отношений на психологию различных социальных групп. Так, современный историк пишет: «Параллельно с ростом городов, торговли и денежного обращения усиливались запреты церкви на занятия ростовщичеством. Ростовщик был объявлен слугой дьявола, грешником, которому нет прощения. Эта линия на полное исключение практики отдачи денег под проценты находилась в вопиющем противоречии с экономическими потребностями общества и налагала свой неизгладимый отпечаток как на финансовую жизнь, так и на сознание и психику лиц, занимавшихся ссудными операциями. Церковь была не в силах положить конец ростовщичество, однако ее запреты и проклятья создали для финансовой деятельности и занятых ею лиц совершенно особую ситуацию» [Гуревич 1990:

141-142]. А шотландский романист описывает боязливую и нерешительную поступь высокого худощавого старика, который «на каждом шагу отвешивал смиренные поклоны и казался ниже, чем был на самом деле, от привычки держаться в согбенном положении». Его седины могли бы произвести на присутствующих в пиршественной зале благоприятное впечатление, если бы черты лица не изобличали его принадлежность к племени, «которое в те темные века было предметом отвращения для суеверных и невежественных простолюдинов, а со стороны корыстного и жадного дворянства подвергалось самому лютому преследованию» [Скотт 1990: 62]. И картина того, как все слуги-саксы на нижнем конце стола Седрика Роттервудского «нарочно расставляли локти», чтобы не пустить старого еврея, как монастырская прислуга «крестилась, оглядываясь на него с благочестивым ужасом», и как даже иноверцы-сарацины гневно крутили усы и хватались за кинжалы, «готовые самыми отчаянными мерами предотвратить его приближение», красноречивее рассказывает о менталитете того времени, чем множество документов на ту же тему, приводимых в исторических трудах более позднего времени.

Еще большим драматизмом наполнен эпизод встречи старого еврея Исаака с грозным храмовником де Буагильбером: «Бедный старик был так ошеломлен обращением к нему воинственного монаха, что тот успел уже отойти на другой конец зала, прежде чем бедняга решился поднять голову и изменить свою униженную позу. Когда же он наконец выпрямился и оглянулся, лицо его выражало изумление человека, только что ослепленного молнией и оглушенного громом» [Скотт 1990: 69]. Он запоминается больше, чем дальнейшее сообщение о тяжелом положении евреев в Англии, их бесправии и униженности, которое лишь дополняет уже созданный образ.

Те же рассуждения о связи экономики и поведения звучат в словах фламандца Уилкина Флэммока, объяснявшего, почему он задержался прийти на зов командующего замком «Печальный Дозор» рыцаря Раймонда Беренжера («Обрученная»). С точки зрения норманнских рыцарей, постоянно воевавших на валлийской границе, фламандцы были слишком неповоротливыми, чтобы жить на пограничной территории. У них «нет любви к войне, они медлительны и упрямы, как их мулы, и слишком пекутся о своем имуществе». Однако сам предводитель общины фламандцев считает, что только забота об имуществе заставляет их грудью защищать его; а

если оставлять нажитое грабителям и ждать, когда самих убьют, то лучше убежать в более спокойное место. У норманна эти слова вызывают только презрение и негодование, ибо служат признанием в трусости. Но и это обвинение фламандец отмечает: «Я всегда готов сразиться за свою жизнь и имущество. Поселившись в стране, где тому и другому постоянно грозит опасность, я тем самым доказал, что воевать готов сколько нужно. Однако целая шкура все же лучше продырявленной» [Скотт 2004: 18-19].

В этом препирательстве двух персонажей Скотт показал две философии жизни, два совершенно разных отношения и к экономическим основам благосостояния, и к военной доблести, и к чести. Норманнский рыцарь свое благосостояние строит «на острие своего меча», захватывая земли и богатство в военных походах, или, в силу принадлежности к привилегированному классу, получает дарения от короля, потому и легче относится к нему, а фламандец как мастеровой человек создает свою экономическую основу по крупицам и собственными руками, а потому готов драться за нажитое столь тяжким трудом не менее храбро, но только в силу необходимости и в пределах здравого смысла. В подобных объяснениях и дискуссиях персонажей и социально-экономически обусловленной психологии героев заключался один из принципов творческого метода Скотта, который много позже назовут «убразным познанием истории» [Орлов 1960: 124-125].

Другой составляющей психологии средневекового человека является религиозное рвение, доходящее до фанатизма и сопутствующих ему суеверий. В первую очередь, Вальтера Скотта интересует соотношение веры и здравого смысла в поведении рыцарей. На протяжении всего XVIII в. идеалы рыцарей, равно как и рыцарские походы, неизбежно связывались с темой «безумия». Безумие, как и нищета, относившееся в Средние века к области сакрального, с XVII в. стало восприниматься исключительно в нравственном измерении – как крайняя форма неразумия [Фуко 1997: 78; см. также: Ипполитов].

«В XVII-XVIII вв. с безумием невозможно было обращаться гуманно, “по-человечески” – ибо оно в прямом и полном смысле нечеловечно: это, так сказать, изнанка того выбора, благодаря которому перед человеком открывается свобода распоряжаться своей разумной природой» [Фуко 1997: 155]. И потому этот средневековый феномен долгое время исключали из сферы научного изучения или, в силу невозможности избежать ее

в исторических трудах, представляли не заслуживающим серьезного внимания.² На этом фоне «средневековые» романы Скотта, посвященные крестовым походам на Восток («Талисман», «Граф Роберт Парижский») и возвращению рыцаря домой («Айвенго», «Обрученная»), оказались сродни откровению для читателей.

Шотландский романист показал, что поведение рыцарей во многом было обусловлено влиянием морального кодекса, провозглашавшего защиту Христианства и Дам, а также вассальную верность, как основополагающие принципы. В «Эссе о рыцарстве» (1818) он пишет: «Рыцарь, профессией которого была война, будучи торжественно зачислен на службу Евангелия мира, рассматривал неверующих и еретиков любого вида как врагов, на которых, как верный солдат Бога, он призван был нападать и убивать, где бы их ни встретил, не требуя и не ожидая какого-либо другого повода для ссоры, чем разница в вере. Правда, долг морали был формально возложен на него обетами его ордена, как и защита церкви и искоренение ереси и неверия. Но во все века люди обычно примиряли со своей совестью нарушение моральных норм религии двойной порцией рвения [в защиту] ее абстрактных доктрин. <...> Церковь разрешала злоупотребления, совершенные по отношению к неверным, как заслуги, которые могли загладить вину самых жестоких преступлений» [Scott 1838: 201].

Такое рвение часто приводило к поступкам, совершенно не сочетающимся с доводами разума, о чем подробно Скотт сообщает в своем «Эссе», напоминая читателям об эпизоде в стихотворном рыцарском романе «Хуан из Бордо», когда герой притворился сарацином, дабы проникнуть во дворец Амеля Годифера. Войдя в зал, где монарх-язычник сидел в полном облачении, рыцарь безо всяких церемоний срубил голову высокопоставленного языческого вельможи, сидящего рядом с королем, при этом громко воскликнув: «Боже, ты уже оказал мне свою милость, дозволив начать свое нападение; да дарует наш Спаситель мне право довести его до благородного завершения!» [Scott 1838: 202].

Скотт не называет рыцарские «авантюры» безумием, но признает их «безрассудный и опасный характер», который «притуплял чувство опасности у королей, князей, знати, и они бросали в Палестину армию за армией в соответствии с истинным духом Рыцарства» [Scott 1838: 201]. Это безрассудство становится одним из лейтмотивов самого первого прозаического романа Скотта о Средневековье. Безрассудным, с точки

зрения читателя, выглядит поведение короля Ричарда, ввязывающегося в, казалось бы, совершенно безнадежные предприятия: в «свалку» на турнире, где тяжело ранен его друг и вассал Айвенго, в освобождение узников замка Торкилстон, в схватку с разбойниками, устроившими засаду в лесу; в конечном итоге, он выступает против власти Папы Римского – полное безумие, с точки зрения средневекового человека, – на подвластной тому территории, когда захватывает прецепторию Ордена тамплиеров. Столь же безрассудным изображен Айвенго, участвующий в турнире при Ашби в окружении врагов короля Ричарда или спешащий на поединок Божьего суда в защиту Ревекки, еще не оправившись от ран турнира. Однако их поведение, как не устает объяснять Скотт, диктовалось нравами и обычаями эпохи.

В образе Бриана де Буагильбера, грозного храмовника, звучит другой аспект темы безумия – как неспособности или нежелания совладать со своими страстями. В разговоре с Ревеккой тамплиер сам называет свои чувства «безумными порывами»: «...Они (стражники в прецептории – Т.Л.) не позволят обидеть тебя, даже мне, если бы мое *безумие*, – потому что ведь это чистое *безумие*, – еще раз побудило бы меня к этому» (здесь и далее в цитатах выделено мной – Т.Л.) [Скотт 1990: 389]. Изображение страсти в контексте безумия становится анахронизмом для романа о событиях XII в. и приближает этот образ к мрачным героям романтической эпохи. Недаром Буагильбер отсылает своего собеседника к чувствам далеких потомков, узнав о неизбежности костра для красавицы-еврейки: «Наши потомки никогда не поверят, чтобы могло существовать такое бессмысленное изуверство!» [Скотт 1990: 362]. С другой стороны, явная переключка с образом сошедшего от любви с ума рыцаря Альберика Мортемара («Талисман») позволяет развить идею пагубности слепого подчинения страстям.

Безумие в романах очень часто предстает и в виде разного понимания и отношения к предмету или явлению представителями разных культур. Так, в романе «Талисман» на рассказ рыцаря Кеннета о стране, в которой «холод часто делает воду твердой, как скала», эмир Ильдерим реагирует как на шутку. Ибо у французских рыцарей «первое удовольствие дурачить друг друга, хватаясь сверхчеловеческими подвигами». Явная отсылка персонажа к чудесам рыцарских романов парируется шотландским рыцарем с позиций здравомыслящего человека более позднего вре-

мени, который «не из их страны» и не следует «их повадкам <...> или привычке дурачить людей, <...> хвастаясь выдумками или начиная дело, которое не может быть доведено до конца». «Я уподобился этим *безумцам*, – говорит Кеннет, – рассказывая тебе, храбрый сарацин, о вещах, которые ты не можешь понять: я оказался в твоих глазах хвастливым лгуном, хоть я и сказал тебе чистую правду» [Скотт 1965: 24-25].

В безумии обвиняет эмир рыцаря, узнав о его представлениях о любви и отношении к Даме:

– Красота наших избранниц заостряет наши копья и оттачивает наши мечи, – говорит Кеннет. – Их слово для нас – закон. Если у рыцаря нет той, которая владеет его сердцем, он никогда не сможет отличиться в ратных подвигах, так же как незажженный светильник не может дать света.

– Слышал я все эти *бредни* от западных воинов, – возразил эмир, – и считаю их признаками того *безумия*, которое несет вас сюда для захвата пустой гробницы [Скотт 1965: 31-32].

И совсем другое безумие – чисто физиологического плана, как нестандартное поведение в пределах одной культуры и, одновременно, в традициях раннего Средневековья, как проявление святости – представлено в образе отшельника-монаха Теодорика Энгаддийского, которого Скотт описывает как «какое-то высокое и изможденное существо», ловко перескакивающее через кусты и скалы; вид этого «волосатого дикаря» напоминал фавнов и сивльванов, изображенных в древних храмах Рима; у него «небо отняло разум, чтобы одарить духом пророчества»; «высококочтимый старец», который «бесновался, словно безумный факир». По мнению христианского рыцаря Кеннета, по всем показателям он был просто сумасшедшим. «Не хуже других святых, — возразил мусульманин, разумея известное на Востоке поверье о том, что сумасшедшие действуют под влиянием мгновенного наития. <...> Когда разум наш, обращенный к делам людским, помрачен, проясняется наш взор, обращенный к небу» [Скотт 1965: 53]. И далее в романе: «...В одежде из косматых шкур, с длинными нечесаными волосами и бородой, с изможденным, диким, судорожно искривленным лицом, с почти безумными глазами, сверкавшими из-под густых бровей, он (энгаддийский отшельник – *Т.Л.*) был похож на библейского пророка, каким мы себе его представляем; пророка, который покидал пещеры, где жил в полном одиночестве, и спускался с гор, чтобы являться с вестью от всевышнего к погрязшим в грехах иу-

дейским или израильским царям и усовещивать земных властелинов в их гордыне, грозя им карой божественного повелителя, готовой обрушиться на их головы, подобно тому как насыщенная молниями туча обрушивает огонь на башни замков и дворцов» [там же: 222]. Однако, в отличие от своих средневековых персонажей, Скотт воспринимает безумие отшельника как следствие бушевавших в его груди страстей, приведших некогда прославленного рыцаря Альберика Мортемара, потомка «царственного Лузиньяна» [там же: 227], к некоторой потере *разума*. Именно *не*-способность услышать *его* голос и справиться со страстями приводит человека к (само)изоляции от общества. Скотт в данном случае проецирует на Средневековье широко распространенный в век Просвещения взгляд, будто лишенный рассудка и исключенный из общества разумных людей человек при определенных усилиях может вернуть себе разум [Сапченко 2002], что в конечном итоге и произошло с энгаддийским отшельником [Скотт 1965: 371]. Как образец контроля за мыслями и чувствами, обусловленного огромной ответственностью перед своим народом, представлен султан Саладин, не менее страстный и горячий, чем европейские рыцари.

В изображении «безумного» аспекта поведения европейцев в средние века писатель отталкивается от научных представлений об отклонениях от нормы в психологии своего времени. Однако социально-психологическая репрезентация в романах различных слоев средневекового общества создала новую эстетическую модель эпохи, исключенной из культурной парадигмы европейцев XVIII в. Созданная модель реабилитировала сословие рыцарей, объяснив природу их идеалов, которые во многом определили цивилизационные процессы на европейском континенте, и предложила новое видение поведения человека исходя и из нравов народа, и из социально-экономических отношений между различными слоями населения, и из идеалов, определявших поведение представителя каждого сословия. Благодаря романам Вальтера Скотта эпоха «мрачного» Средневековья стала ближе и понятнее его современникам, а историки объявили его «отцом» исторической школы XIX в.

¹ Дугальд Стюарт считался одним из самых выдающихся философов своего времени [Дайчес 1987: 49].

² Представление о рыцарских походах как проявлении внезапно охватившей народы Европы эпидемии безумия перешло и в XIX в. [Маккей 2003; Корноухо-

ва 1997].

Список литературы

Альтшулер М. Эпоха Вальтера Скотта в России. Исторический роман 1830-х гг. М.: Академический проект, МСМХСХVI (1996). 336 с.

Белинский В.Г. Разделение поэзии на роды и виды // Белинский В.Г. Эстетика и литературная критика: В 2 т. Т.1. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1959. С. 473-531.

Быховский Б.Э. Шотландская школа // БСЭ. В 30 т. Т. 29. М.: Советская энциклопедия, 1978. С. 463-464; то же: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/152059>

Гинзбург Л. О психологической прозе. Л.: Советский писатель, 1971. 465 с.

Гуревич А. Европейское средневековье и современность //Европейский альманах. История. Традиции. Культура. М.: Наука, 1990. С. 141-142.

Дайчес Д. Вальтер Скотт и его время. М.: Радуга, 1987. 175 с.

Долинин А.А. История одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели. М.: Книга. 1988. 320 с.

Маккей Ч. Наиболее распространенные заблуждения и безумства толпы / пер. англ. М.: Альпина Паблишер, 2003 [1852]. 844 с.

Ипполитов А. Оправдание безумием. От повесы до блудного сына (на сайте: <http://www.rulife.ru/mode.article/606/>)

Корноухова И.А. Историческое творчество А.Л.Чижевского (1897-1964 гг.) // Традиции русской исторической мысли. Историография (Материалы научного семинара). М.: 1997. С.90-103.

Орлов С.А. Исторический роман Вальтера Скотта. Горький: Изд-во Горьковского ун-та, 1960. 480 с.

Петровский Ю. Талисман // Скотт В. Собр. соч. В 20 т. Т. 19. М., 1965. С. 747-754.

Сапченко Л.А. Карамзин в Бедламе (К теме безумия в литературе эпохи Просвещения) // Философский век. Альманах. Вып.20. Россия и Британия в эпоху Просвещения: Опыт философской и культурной кампаративистики. Часть 2. СПб., 2002. С. 288-294.

Скотт В. Айвенго / пер. с англ. Е.Г.Бекетовой // Скотт В. Собр. соч. В 8 т. Т.6. М.: Правда, 1990. 477 с.

Скотт В. Обрученная / пер. с англ. З.Е.Александровой и Т.Г. и А.Г. Чесноковых. М.: Ладомир; Наука, 2004. 313 с. (Литературные памятники).

Скотт В. Талисман / пер. с англ. П.А.Оболенского и Т.Л. И В.И. Ровинских // Скотт В. Собр. соч. В 20 т. Т.19. М.-Л.: Изд-во художественной литературы, 1965. С. 7-380; то же: www.pupsam.ru

Феллер В. Введение в историческую антропологию. Опыт решения логической проблемы философии истории. М.: КНОРУС, 2005. 672 с.

Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997. 576 с.; то же: http://www.krotov.info/lib_sec/21_f/fuk/o_32.htm.

Якубович Д.П. «Капитанская дочка» и романы Вальтера Скотта //Пушкин: Временник Пушкинской комиссии /АН СССР. Ин-т литературы. М.; Л., 1939. Вып. 4/5. С.175.

Scott W. An Essay on Chivalry // Scott W. Miscellaneous Prose Works. In 7 vols. Vol. 4. Paris, 1838. P.195-262.

“INSANE” KNIGHT: MIDDLE AGE MAN’S PSYCHOLOGY IN WALTER SCOTT’S NOVELS

Tatyana G. Lazareva

Assistant Professor of English Language Department
Kurgan State University

The article is devoted to the first attempts to penetrate psychology of a Middle Ages individual made in Walter Scott’s novels. Using discoveries of the science of his time, the novelist depicted behaviour of representatives of different social groups conditioned by socio-economic relations in a medieval community, their customs and manners, their ideals. He gave special attention to the problem of “insanity” of knights, differentiating notions “madness” and “wild behaviour”.

Key words: Medieval Ages; Chivalry; psychology; “insanity”; Enlightenment historiosophy.